

Камбачоков Адам Муштагидович, Губжокова Диана Джарихановна, Хашхожева Загират Талибовна
**О СТАТУСЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ДЕЕПРИЧАСТИЕМ С
СОБСТВЕННЫМ СУБЪЕКТОМ, ОТЛИЧНЫМ ОТ СУБЪЕКТА ОСНОВНОГО СКАЗУЕМОГО**

В работе рассматриваются вопросы строения адыгских предложений, в состав которых входят деепричастия, обладающие собственным субъектом, отличным от субъекта основного сказуемого. На основе проведенного анализа различных пластов исследуемого языкового материала с рассмотрением существующих по данной проблеме различных, порой противоречивых точек зрения ученых-кавказоведов авторы статьи указывают, что придание или не придание деепричастию, деепричастному обороту в адыгских языках статуса придаточного предложения зависит от наличия или отсутствия у него не собственного субъекта, а предикативного центра. Рассматриваемая отглагольная форма по своей природе не обладает последним.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 309-311. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.352.3

В работе рассматриваются вопросы строения адыгских предложений, в состав которых входят деепричастия, обладающие собственным субъектом, отличным от субъекта основного сказуемого. На основе проведенного анализа различных пластов исследуемого языкового материала с рассмотрением существующих по данной проблеме различных, порой противоречивых точек зрения ученых-кавказоведов авторы статьи указывают, что придание или не придание деепричастию, деепричастному обороту в адыгских языках статуса придаточного предложения зависит от наличия или отсутствия у него не собственного субъекта, а предикативного центра. Рассматриваемая отглагольная форма по своей природе не обладает последним.

Ключевые слова и фразы: простое и сложное предложения; придаточные предложения; члены предложения; субъект действия; предикативность; финитные и инфинитные глаголы; отглагольные образования; деепричастие и деепричастный оборот.

Камбачоков Адам Муштагидович, д. филол. н., профессор

Губжокова Диана Джарихановна, к. филол. н.

Хашхожева Загират Талибовна

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
akamb@mail.ru; gubz@list.ru; zagirat_inkaz@mail.ru

О СТАТУСЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ДЕЕПРИЧАСТИЕМ С СОБСТВЕННЫМ СУБЪЕКТОМ, ОТЛИЧНЫМ ОТ СУБЪЕКТА ОСНОВНОГО СКАЗУЕМОГО

Одним из дискуссионных вопросов в грамматиках адыгских языков является вопрос о статусе деепричастия и его синтаксических функциях в составе предложения. Взгляды ученых-адыговедов кардинально расходятся по, казалось бы, рядовому вопросу о том, какую синтаксическую позицию занимают в составе кабардино-черкесского предложения словоформы глагольной основы, оформленные суффиксами *-мэ/-тэмэ*, *-ми/-тэми*: деепричастиями ли они являются, образованными данными аффиксами, или это все-таки глаголы, маркированные полифункциональными аффиксами *-мэ/-тэмэ*, *-ми/-тэми*. При этом следует иметь в виду, что одной из функций суффикса *-мэ/-тэмэ* является выражение понятия условности, а аффикса *-ми/-тэми* – уступительности. Если словоформы с указанными аффиксами действительно являются деепричастиями и в силу этого способны занимать только синтаксическую позицию одного из второстепенных членов, то мы имеем дело с простым предложением. А если словоформы с *-мэ/-тэмэ*, *-ми/-тэми* являются сказуемыми, то мы должны признать, что предложения с такими элементами являются сложноподчиненными с придаточным условия (там, где сказуемое оформлено аффиксом *-мэ/-тэмэ*) или с придаточным уступки (в случае оформления сказуемого суффиксом *-ми/-тэми*). Помимо этого, встает закономерный вопрос: если словоформы глагольной основы, маркированные указанными аффиксами, не в состоянии занимать в придаточном предложении синтаксическую позицию предиката, то имеются ли в кабардино-черкесском языке сложноподчиненные предложения вообще?

Из всех типов сложноподчиненных предложений, рассматриваемых в описательных грамматиках кабардино-черкесского языка, адыговеды Х. Э. Дзасежев и Х. З. Гяургиев считают действительно сложноподчиненными только такие синтаксические конструкции, в которых придаточные предложения, содержащие в себе информацию о том, что происходит в главном предложении, сочетаются с последним с помощью сложных союзов или относительных слов *сыт ичьэкIэ жыпIэмэ*, *сыт папцIэ жыпIэмэ*, *сытым кьыхэкIкIэ жыпIэмэ*, *сыту жыпIэмэ* – «потому что». Все остальные синтаксические конструкции они квалифицируют как «простые предложения с различными разрядами обстоятельств, выраженными деепричастиями или деепричастными оборотами с формантами *-мэ*, *-тэмэ*, *-ми*, *-тэми*, поскольку такие словоформы, будучи отглагольными образованиями, а не финитными глаголами, не обладают предикативностью и потому являются только распространенными членами простого предложения» [4, с. 71-72]. При этом для обоснования своих теоретических положений вместо общеупотребительных синтаксических конструкций типа *ХьэцIэр ихамэ, бжэм йоплэ*. / «Если трапеза закончилась, гость смотрит на дверь» (в значении «ему пора уходить») (здесь и далее перевод авторов статьи. – А. К., Д. Г., З. Х.) или *Мэкьумылэр мацIэмэ, икIацIэр ихэрей мэхьу*. / «Если кормов мало, то теленок становится более прожорливым» в качестве примеров сложноподчиненных предложений Х. Э. Дзасежев представляет искусственно составленные, чуждые для речи носителей кабардино-черкесского языка конструкции, сказуемые «придаточных» которых выражены глаголами в повелительном наклонении: *Блын газетыр дэнэ дежи кьыфIыредзэ, абдежым студентхэр гуну цызэхуос*. / «Пусть стенгазету (он) повесит где угодно, там студенты собираются толпой». *Нэхьыжьэхэм сыти жалэу зэхрех, сабийм Iэмал имыIэу ар желэж*. / «Пусть взрослые говорят что угодно, ребенок обязательно это повторяет». По мнению автора, такие придаточные связаны с главным предложением с помощью элементов *дэни* «где (угодно)»; *сыти* «что (угодно)» и др. [4, с. 124].

Вместе с тем следует отметить, что указанные синтаксические конструкции, приводимые исследователем, не только не вписываются в практику речевой деятельности кабардинцев и черкесов, но и по степени

самостоятельности их составных компонентов (составляющих их простых предложений) являются предложениями не сложноподчиненными, а сложносочиненными.

Часть авторов грамматики «Кабардино-черкесский язык» придерживается мнения, согласно которому союзные суффиксы *-мэ*, *-ми* «не входят в число аффиксов, выражающих детерминативные отношения между предикативными частями сложного предложения» [5, с. 519]. Другая часть авторов этой же грамматики считает, что «основными средствами выражения подчинительной связи между компонентами кабардино-черкесского сложного предложения являются подчинительные союзы, относительные местоимения и наречия в сочетании с союзными суффиксами; суффиксы *-мэ*, *-тэмэ*, *-ми*, *-тэми*, являющиеся аффиксами условной и уступительной форм; интонация. Причастие, деепричастие и их обороты в составе кабардино-черкесского языка нельзя считать придаточными, так как они не являются выразителями предикативности» [Там же, с. 382]. Из данного положения следуют два вывода: во-первых, словоформы с суффиксами *-мэ*, *-ми* в кабардино-черкесском предложении выполняют функцию сказуемого, но при этом они не являются деепричастиями, поскольку, во-вторых, деепричастие и их обороты в кабардино-черкесском предложении не являются выразителями предикативности.

Исследования, проведенные в данном направлении видными лингвистами-адыговедами М. Л. Абитовым, Х. У. Эльбердовым, Х. Ш. Урусовым и др., также не подтверждают справедливость выводов авторов, относящих словоформы на *-мэ*, *-тэмэ*, *-ми*, *-тэми* к деепричастиям.

В данном спорном вопросе мы склонны придерживаться мнения последних и считать словоформы, в структурах которых находятся суффиксы *-мэ/-тэмэ*, *-ми/-тэми*, не деепричастиями, а глаголами, в составе которых находятся указанные аффиксы, выражающие наклонение и предикативность наравне с суффиксами *-ц*, *-т*, *-кьым*, являющимися классическими выразителями предикативности в кабардино-черкесском языке. Такие придаточные предложения в кабардино-черкесском языке сочетаются с главным предложением союзными суффиксами *-мэ*, *-ми* и др. При этом сказуемые придаточных предложений лишаются официальных формантов сказуемости *-ц*, *-т*, *-кьым* и показателей динамичности *мэ/-ма-*, *о-*, *э-*: *Щхэхынэр тэдж-мэ, псы-бафэр куэд мэху* [2, н. 49]. / «Если ленивый встает, то желающих попить воды становится много». *Сэ планетэхэм сылтэтэфа-тэмэ, уи цлэр си натлэу зезгэлыгагунт* [9, н. 174]. / «Если бы я смог полететь на другие планеты, я бы предстал перед ними с твоим именем». *Насытыниэр махьизм тес-ми, хэ кьодзакьэр* [2, н. 58]. / «Несчастливого, если даже он верхом на верблюде, собака кусает». *Адакьэр мылуэ-ми, нэху цын кьанэр-кьым* [Там же, н. 68]. / «Если петух и не прокукарекает, от этого наступление рассвета не замедляется».

Оборотной стороной вопроса о соотношениях деепричастного оборота и придаточного предложения в кабардино-черкесском языке является проблема придания/непридания статуса придаточного предложения причастному и деепричастному оборотам, имеющим собственные субъекты, отличные от субъекта основного сказуемого. В отличие от отглагольных форм в русском языке, причастия и деепричастия в предложениях адыгских языков могут иметь в своем составе показатель субъекта, отличный от субъекта основного глагола: *Абыхэм шэджэгьауашхэр зэфI-а-гьэкларэ тIэклуи зыщI-а-гьэпсэхуэжауэ еуэклIыпIэм альпинисти гун кьыкьуэжри кьабгэдыхьащ* [6, н. 24]. *Пыцыхэм ефэр я-мышху дыгьэр цыгум кьичуващ* [Там же, н. 331]. В связи с отсутствием в русском языке подобных синтаксических конструкций выполненный нами буквальный перевод приведенных выше примеров может быть представлен только как «Они, завершив обед и немного отдохнув, из-за поворота вышла группа альпинистов и подошла к ним»; «Князя трапезу еще не завершив, солнце взошло высоко». Семантика подобных простых кабардино-черкесских предложений в русском литературном языке может быть выражена только формой сложноподчиненного предложения: «Когда они завершили обед и немного отдохнули, из-за поворота вышла группа альпинистов и подошла к ним»; «Солнце взошло высоко, хотя князя трапезу еще не завершили». Деепричастие, сочетаясь в указанных типах адыгских предложений со своим субъектом действия, управляет последним, требуя от него (в зависимости от того, переходным является деепричастие по своей природе или непереходным) оформления аффиксами именительного или эргативного падежа: *Прорабы-р шIалэхэм е-псалэу Кьанцоубий кьыщIыхьащ* [Там же, н. 61]. / «Прораб с ребятами разговаривая, зашел Каншоуби» (буквальный перевод). *ПыщIэм Iэнэр зэтр-и-гьэуэу хьэцIэхэр пцIантIэм кьыдыхьащ* [Там же, н. 68]. / «Девушка стол накрывая, гости зашли во двор» (буквальный перевод). Именно эта способность адыгского деепричастия иметь в своем составе показатель субъекта, отличный от субъекта основного глагола, подтолкнула М. М. Сакиева и А. Х. Шарданова к признанию таких адыгских деепричастий и их оборотов придаточными предложениями.

Так, А. Х. Шарданов считает, что «в конструкциях, в которых субъект деепричастия не совпадает с субъектом действия глагола-сказуемого, деепричастие не является обозначением второстепенного (добавочного) действия, а проявляет известную самостоятельность, образуя второе ядро предложения» [1, с. 178]. Оппонируя ученому, А. К. Шагиров справедливо отмечает: «В этом высказывании нас смущает только то, что автор лишает обозначенное деепричастием действие второстепенного, добавочного характера» [8, с. 176].

С точки зрения М. М. Сакиева, причастие, деепричастие и их обороты в кабардино-черкесском языке в одних случаях выполняют роль придаточного предложения, в других – лишены подобной возможности. Так, указанные отглагольные образования и их обороты, по мнению ученого, трансформируются в придаточные предложения в том случае, «когда при причастии и деепричастии имеется особое грамматически выраженное подлежащее, отличное от подлежащего другой части предложения, и сказуемые, которые в главной и придаточной частях предложения составляют основную и самостоятельный стержень предложения. Например: *Сэ кьалэм сыкьыкIыжу Борис кьысхуэзащ* – «Когда я возвращался из города, меня встретил Борис»» [7, с. 86]. В то же время конструкцию *Сэ кьалэм сыкьыкIыжу Борис сыхуэзащ*. / «Возвращаясь из города, я встретил

Бориса» М. М. Сакиев квалифицирует как простое предложение с необособленным деепричастным оборотом. Следует отметить, что первый пример из приведенной цитаты автором переведен на русский язык некорректно. Буквальный его перевод представляется следующим: «Я возвращаясь из города, меня встретил Борис». По своей структуре он является монопредикативным предложением с необособленным деепричастным оборотом, в состав которого входит деепричастие *сыкыкIыжу* «возвращаясь» с собственным субъектом действия *сэ* «я». В структурном отношении данная конструкция практически не отличается от предложения *Сэ кьалэм сыкыкIыжу Борисыхуэзац*. / «Возвращаясь из города, я встретил Бориса» (правомернее было его перевести в форме «(Я) возвращаясь из города, я встретил Бориса»), приводимого автором в качестве примера простого предложения с необособленным деепричастным оборотом *кьалэм сы-кыкIыжу* «(я) возвращаясь из города». Разница в этих примерах заключается лишь в том, что в первом предложении синтаксическую позицию предиката занимает финитный глагол *кыыхуэзац* «(меня) встретил», соотносящийся со своим субъектом действия *Борис*. При этом деепричастие *сыкыкIыжу*, соотносящееся со своим субъектом *сэ* в составе необособленного деепричастного оборота, выступает в роли обстоятельства образа действия. Во втором же примере и глагол-сказуемое *сыхуэзац* «(я) встретил», и деепричастие *сыкыкIыжу* «(я) возвращаясь», являющиеся стержневыми компонентами деепричастного оборота *кьалэм сы-кыкIыжу* «(я) возвращаясь из города», занимающего в данном предложении синтаксическую позицию обстоятельства образа действия, одинаково соотносятся с субъектом действия *сэ* «я».

Таким образом, обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Глагольные словоформы с суффиксами *-мэ/-тэмэ*, *-ми/-тэми*, рассматриваемые некоторыми адыговедами в качестве деепричастия в кабардино-черкесском языке, в действительности являются финитными глаголами в форме различных наклонений, занимающими в придаточных предложениях синтаксическую позицию сказуемого. При этом указанные аффиксальные морфемы способны передавать временные, условные, пространственные и другие отношения.

2. Придание или непридание деепричастному обороту в кабардино-черкесском языке статуса придаточного предложения не зависит от наличия или отсутствия у него собственного субъекта. Препятствием для придания деепричастному обороту статуса предложения является отсутствие в составе такого оборота предикативного центра.

Список источников

1. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка / редколлегия: к. филол. н. П. М. Багов и др. М.: Наука, 1970. Ч. 1. Фонетика и морфология. 215 с.
2. ГьукIэмыхъу А. М., КьардэнгъушI З. П. Адыгэ псалъэжъхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. 325 н.
3. Гяургиев Х. З., Дзасежев Х. Э. Кабардинский язык: в 2-х ч. Нальчик: Эльбрус, 2008. Ч. 2. 256 с.
4. Дзасежев Х. Э. Современный кабардино-черкесский язык. Синтаксис. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1969. 155 с.
5. Кабардино-черкесский язык: в 2-х т. / гл. ред. М. А. Кумахов. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. 1. 549 с.
6. Мэзыхъэ Б. Б. Мывэ чэщанэ. Налшык: Эльбрус, 1973. 111 н.
7. Сакиев М. М. О придаточных предложениях в кабардино-черкесском языке // Труды Черкесского научно-исследовательского института / отв. ред. К. С. Шакрыл. 1954. Вып. 2. С. 83-99.
8. Шагиров А. К. Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 221 с.
9. ЩоджэцIыкIу А. I. Тхыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 2006. 537 н.

ON THE STATUS OF KABARDINO-CIRCASSIAN SENTENCES WITH AN ADVERBIAL PARTICIPLE HAVING ITS OWN SUBJECT DIFFERENT FROM THE SUBJECT OF PRINCIPLE PREDICATE

Kambachokov Adam Mushtagidovich, Doctor in Philology, Professor
Gubzhokova Diana Dzharikhanovna, Ph. D. in Philology
Khaskhozheva Zagirat Talibovna

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik
akamb@mail.ru; gubz@list.ru; zagirat_inkaz@mail.ru

The article examines the structure of the Adyghe sentences with adverbial participles having its own subject different from the subject of principle predicate. The paper analyzes different strata of linguistic material and summarizes the different, often contradictory views of the specialists in Caucasian studies on the problem. Relying on the findings the authors conclude that the Adyghe adverbial participle and verbal adverb phrase acquire the status of subordinate clause depending on the existence of its own predicative center and regardless of whether it has its own subject. The analyzed verbal form is characterized by the absence of predicative center.

Key words and phrases: simple and compound sentence; subordinate clauses; sentence members; agent; predicativity; finite and infinite verbs; verbal formations; adverbial participle and verbal adverb phrase.